

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. Т. 7, № 2. С. 11–37.

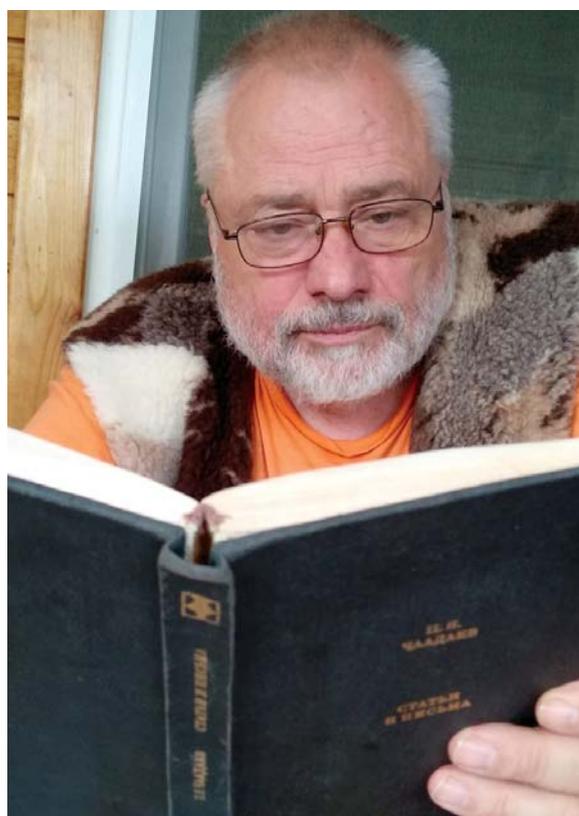
Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2024. Vol. 7, no. 2. P. 11–37.

Научная статья / Original article

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2024-7-2-11-37

КАНТ, ИЛИ МУЖЕСТВО ПОЛЬЗОВАТЬСЯ СОБСТВЕННЫМ УМОМ: К 300-летию философа

Владимир Карлович Кантор
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, vlkantor@mail.ru

Аннотация. В статье, написанной к кантовскому юбилею, автор рассматривает тему восприятия философии Канта в России, опираясь на слова Владимира Соловьева, что Кант не открыл для ума новых миров, но поставил самый ум на такую новую точку зрения, с которой все прежнее представилось в ином и более истинном виде. Но это поняли позднее. Пока же контакт великого философа с Россией получил неожиданный характер. В период пребывания

русских войск в Пруссии приват-доцент Кант читал лекции русским офицерам по математике, военной архитектуре, фортификации и пиротехнике. Интересно, что лекции философа мог посещать Александр Васильевич Суворов. Последний в то время был подполковником и навещал в Кенигсберге своего отца В. И. Суворова, генерал-губернатора Восточной Пруссии в 1761–1762 годах. Автор останавливается также на беседе с Кантом Н. М. Карамзина, одного из первых россиян, оценивших Канта. Далее уже понятно определение пушкинского героя: «...поклонник Канта и поэт». Но отношение к Канту было неоднозначно. В начале XX века вдруг обнаружилось явное неприятие Канта в русской, особенно *православно* и в духе *российского марксизма* ориентированной философии. В «Философии свободы» (1911) ставший православным мыслителем бывший марксист Н. А. Бердяев грубо недвусмыслен: «Гениальный образец чисто полицейской философии дал Кант». В. И. Ленин, откровенный враг христианства и идеолог «неоязычества» (С. Н. Булгаков), в эти годы столь же категорически требовал «отмежеваться самым решительным и бесповоротным образом от фидеизма и от агностицизма, от философского идеализма и от софистики последователей Юма и Канта» («Материализм и эмпириокритицизм», 1909). Как известно, в 1917 году случилась революция, победила ленинская партия большевиков, так что, казалось бы, о Канте, идеологическом противнике вождя, надо было забыть. И забыли. Но в конце 1930-х годов был написан гениальный роман «Мастер и Маргарита», опубликованный много позже, после страшной войны, в 1966 году. Но все же опубликованный. И поразительно, что начинался он с разговора на Патриарших, где Воланд (дьявол) рассказывал о своей беседе с Кантом. Кант продолжал звучать в высших достижениях русской культуры.

Ключевые слова: Кант, Мендельсон, Карамзин, Пушкин, коперниканский переворот, Россия, Екатерина Дашкова, Европа, звездное небо, моральный закон, Воланд

Благодарности. Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Кантор В. К. Кант, или Мужество пользоваться собственным умом: К 300-летию философа // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. Т. 7, № 2. С. 11–37.
doi:10.17323/2658-5413-2024-7-2-11-37.

From the Editor

KANT, OR THE COURAGE TO USE YOUR OWN MIND:
ON THE 300TH ANNIVERSARY OF THE PHILOSOPHER

Vladimir K. Kantor

National Research University
“Higher School of Economics” (HSE University),
Moscow, Russia, vlkantor@mail.ru

Abstract. In his article written for the Kant jubilee, the author examines the topic of the perception of Kant’s philosophy in Russia, based on the words of Vladimir Solovyov, that Kant did not open new worlds to the mind, but put the mind itself on such a new point of view, from which all the old appeared in a different and truer form. But this was realized later. In the meantime, the great philosopher’s contact with Russia has received an unexpected character. Russian troops were stationed in Prussia, and Private Professor Kant lectured Russian officers on mathematics, military architecture, fortification, and pyrotechnics. Interestingly, Alexander Vasilyevich Suvorov could attend the philosopher’s lectures. The latter was a lieutenant colonel at that time and visited his father V. I. Suvorov, Governor-General of East Prussia in 1761–1762, in Königsberg. The author also dwells on a conversation with Kant by N. M. Karamzin, one of the first Russians to appreciate Kant. Further, the definition of Pushkin’s hero is already clear: “...an admirer of Kant and a poet.” But the attitude towards Kant was ambiguous. At the beginning of the twentieth century, a clear rejection of Kant in Russian, especially Orthodox and in the spirit of Russian Marxism-oriented philosophy, suddenly emerged. In “The Philosophy of Freedom” (1911), the former Marxist N. A. Berdyaev, who became an Orthodox thinker, is rudely unambiguous: “Kant gave a brilliant example of purely police philosophy.” V. I. Lenin, an outspoken enemy of Christianity and the ideologist of “neo-Paganism” (S. N. Bulgakov), in these years also categorically demanded “to dissociate himself in the most decisive way and irrevocably from fideism and agnosticism, from philosophical idealism and from the sophistry of the followers of Hume and Kant” (“Materialism and Empirio-criticism”, 1909). As you know, in 1917 there was a revolution, the Leninist Bolshevik Party won, so it would seem that Kant, the ideological opponent of the leader, had to be forgotten. And they forgot. But at the end of the 1930s, the brilliant novel “The Master and Margarita” was written, published much later, after the terrible war, in 1966. But still published. And it is amazing that it began with a conversation on Patriarchal, where Woland (the

devil) told about his conversation with Kant. Kant continued to be heard in the highest achievements of Russian culture.

Keywords: Kant, Mendelssohn, Karamzin, Pushkin, Copernican revolution, Russia, Ekaterina Dashkova, Europe, starry sky, moral law, Voland

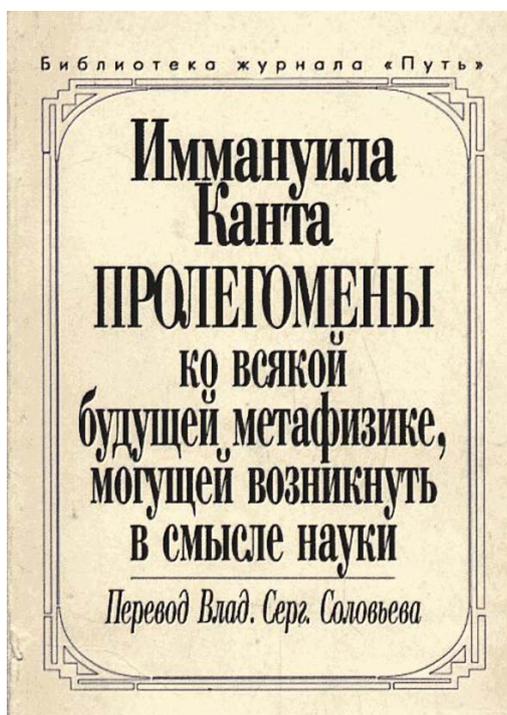

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Kantor, V. K. (2024) “Kant, or The courage to use your own mind: On the 300th anniversary of the philosopher”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 7(2), pp. 11–37. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2024-7-2-11-37.

Кто такой Иммануил Кант и что он сделал для русской мысли? И не только русской. Попробуем начать это повествование со слов Владимира Сергеевича Соловьева, бесспорно очень неплохо понимавшего философию:

КАНТ (Immanuel Kant, первонач. Cant) — основатель философского критицизма, представляющего главную поворотную точку в истории человеческой мысли, так что все развитие философии если не по содержанию, то по отношению мысли к этому содержанию должно быть разделено на два периода: до-критический (или до-кантовский) и после-критический (или после-кантовский). Согласно его собственному сравнению (с Коперником), Кант не открыл для ума новых миров, но поставил самый ум на такую новую точку зрения, с которой все прежнее представилось ему в ином и более истинном виде.

[Соловьев, 1914, с. 345]

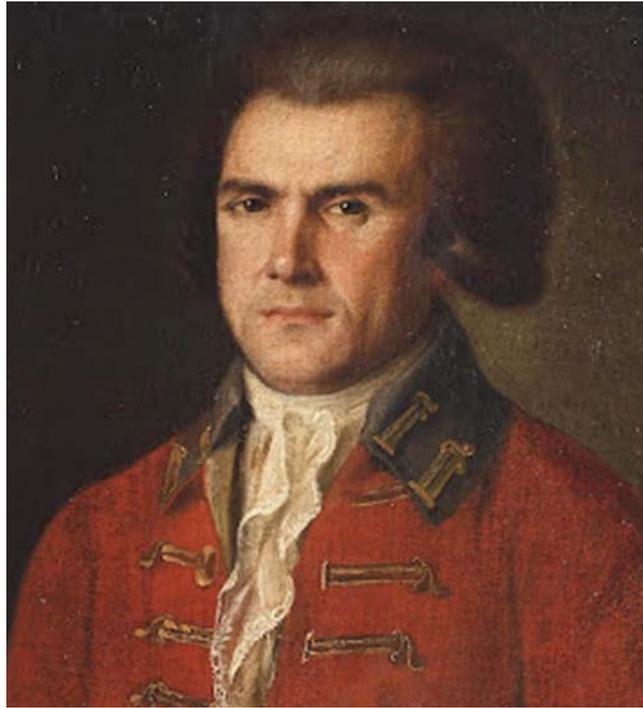
Стоит добавить, что он переводил Канта. Полагают, что его перевод «Прологоменов» остается классическим.

Иоганн Готтлиб Бекер. Иммануил Кант (1724–1804). Портрет. 1768

В России коперниканским переворотом называли творчество Достоевского. И существует замечательная книга, написанная выдающимся отечественным мыслителем Яковом Эммануиловичем Голосовкером: «Достоевский и Кант. Размышление читателя над романом “Братья Карамазовы” и трактатом Канта “Критика чистого разума”» (1963). Впрочем, Кант оказался тесно связан с Россией и административно и академически, не говоря о контактах с ним российских интеллектуалов. Как известно, в Семилетнюю войну Россия завоевала Восточную Пруссию, включая Кенигсберг. И Кант на несколько лет стал подданным Российской империи, даже написал письмо Елизавете Петровне с некоей просьбой. Но был он тогда не знаменит. И императрица на его письмо не ответила.

Но в период пребывания русских войск в Пруссии, когда в 1758 году они вошли в Кенигсберг, а жители присягнули на верность императрице Елизавете, приват-доцент Кант читал русским офицерам лекции по математике, военной архитектуре, фортификации и пиротехнике. Интересно, что лекции философа мог посещать Александр Васильевич Суворов. Последний в то время был под-

Андрей Тимофеевич Болотов (1738–1833)

полковником и навещал в Кенигсберге своего отца В. И. Суворова, генерал-губернатора Восточной Пруссии в 1761–1762 годах.

Потом Петр III, поклонник немецкого Фридриха Великого, завоеванные земли вернул Пруссии. Кант снова вернулся в Германию. Он продолжал работать, писать, слава его росла. Но понимали его не все.

И. Сорочкина, В. Грачев. Кант читает лекции русским офицерам. 1978

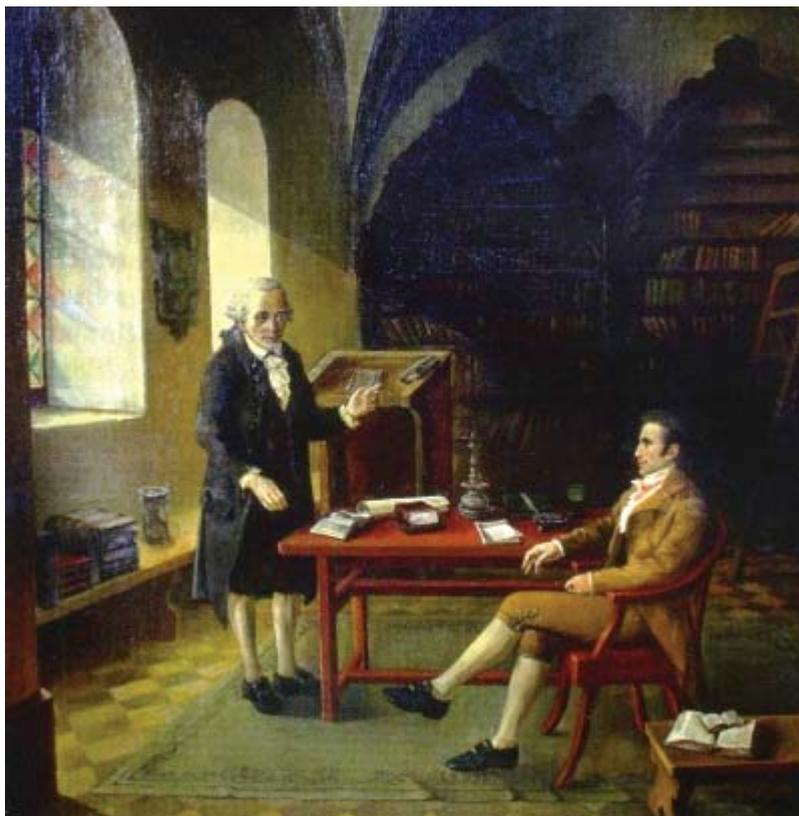

Моисей Мендельсон (1729–1786)

Пожалуй, первым из русских общался с ним в 1750-х годах Андрей Тимофеевич Болотов, автор интереснейших мемуаров. Канта он называет вполне бестолковым (пришлось «великого или прямее сказать безтолкового Канта лично самому видать» [Цит. по: Круглов, 2006, с. 217]). Но вот в конце 1780-х философа посещает любознательный юный русский путешественник Николай Михайлович Карамзин. Судя по всему, 23-летний русский дворянин прочитал (или пролистал) «Критику чистого разума» и понимал, к какой величине он напросился. И он уже совершенно иначе видит Канта. Приведу довольно большой отрывок из его рассказа о европейском путешествии:

Вчера же после обеда был я у славного Канта, глубокомысленного, тонкого Метафизика, который опровергает и Малбранша и Лейбница, и Юма и Боннета — Канта, которого Иудейской Сократ, покойный Мендельзон, иначе не называл, как *der alles zermalmende Kant*, т. е. *все сокрушающий Кант*. Я не имел к нему писем; но смелость города берет — и мне отворились двери в кабинете его. Меня встретил маленькой, худенькой старичек, отменно белый и нежный. Первые слова мои были: «Я Руской Дворянин, люблю великих мужей, и желаю изъявить мое почтение Канту». Он тотчас попросил меня сесть, говоря: «Я писал такое, что не может нравиться всем; не многие любят метафизическая тонкости». С полчаса говорили мы о разных вещах: о путешествиях, о Китае, об открытии новых земель. Надобно было удивляться его историческим и географическим знаниям, которых, казалось, могли бы одни загромоздить магазин человеческой памяти; но это у него, как Немцы говорят, *дело постороннее*. Потом я не без скачка, обратил разговор на природу и нравственность человека; и вот что мог удержать в памяти из его рассуждений:

«Деятельность есть наше определение. Человек не может быть никогда совершенно доволен обладаемым и стремится всегда к приобретениям. Смерть застаёт нас на пути к чему-нибудь, что мы еще иметь хотим. Дай человеку все, чего желает, но он в ту же минуту почувствует, что это *все* не есть *все*. Не видя цели или конца стремления нашего в здешней жизни, полагаем мы будущую, где узлу надобно развязаться. Сия мысль тем приятнее для человека, что здесь

И. Сорочкина, В. Грачев. Карамзин у Канта. 1978

нет никакой соразмерности между радостями и горестями, между наслаждением и страданием. Я утешаюсь тем, что мне уже шестьдесят лет и что скоро придет конец жизни моей, ибо надеюсь вступить в другую, лучшую. Помышляя о тех услаждениях, которые имел я в жизни, не чувствую теперь удовольствия, но, представляя себе те случаи, где действовал сообразно с *законом нравственным*, начертанным у меня в сердце, радуюсь. Говорю о *нравственном законе*: назовем его *совестью*, *чувством добра и зла* — но он *есть*. Я *солгал*, никто не знает лжи моей, но мне *стыдно*. — Вероятность не есть очевидность, когда мы говорим о *будущей жизни*; но, сообразив все, рассудок *велит* нам верить ей. Да и что бы с нами было, когда бы мы, так сказать, *глазами увидели ее*? Если бы она нам очень полюбилась, мы бы не могли уже заниматься нынешнею жизнью и были в беспрестанном томлении; а в противном случае не имели бы утешения сказать себе в горестях здешней жизни: *авось там будет лучше!* — Но говоря о нашем определении, о *жизни будущей* и проч., предполагаем уже бытие Всевечного Творческого разума, все для чего-нибудь, и все благо творящего. Что? Как?... Но здесь первый мудрец признается в своем невежестве. Здесь разум погашает светильник свой, и мы во тьме остаемся; одна фантазия может носиться во тьме сей и творить несобытное». — Почтенный муж! Прости, если в сих строках обезобразил я мысли твои! (...)

Он записал мне титул двух свои сочинений, которые я не читал: *Kritik der praktischen Vernunft* и *Metaphisik der Sitten*¹ — и сию записку буду хранить как священный памятник. Вписав в свою карманную книжку мое имя, пожелал он, чтобы решились все мои сомнения; потом мы с ним расстались.

Вот вам, друзья мои, краткое описание весьма любопытной для меня беседы, которая продолжалась около трех часов. — Кант говорит скоро, весьма тихо и невразумительно; и потому надлежало мне слушать его с напряжением всех нерв слуха. Домик у него маленький, и внутри приборов немного. Все просто, кроме... его Метафизики.

[Карамзин, 1984, с. 20–21]

В 1794 году Кант был избран действительным членом Петербургской Императорской Академии наук, а в 1797 году получил диплом от Екатерины Дашковой:

По повелению светлейшей и могущественнейшей Государыни Императрицы ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ всея Руси Самодержицы я, Екатерина Дашкова, кавалер ордена св. Екатерины, директор Академии Наук, согласно праву, дарованному мне Государыней, провозглашаю настоящим почетным дипломом Иммануила Канта, профессора философии в Кенигсберге, *мужа знаменитейшего, достойного всяческого отличия за его славные успехи в науках* (курсив

Дом Канта в Кенигсберге

¹ «Критика практического разума» и «Метафизика нравов» (нем.).

мой. — В. К.), по общему решению всей Петербургской академии, иностранным членом нашего общества и надлежащим образом жалую его почетом, привилегиями и милостями, дарованными корпорации академиков.

[Цит. по: Гулыга, 1977, с. 229–230]

И далее стоит отметить, что уже для Пушкина и лицеистов имя Канта более чем знакомо. Как пишут историки, с ориентацией на Канта строили свои лицейские курсы А. И. Галич, А. П. Куницын, П. Е. Георгиевский. И уже в хулиганских стихах юного Пушкина («Пирующие студены», 1814) высвечивается система лицейского чтения:

Друзья! досужый час настал;
Всё тихо, всё в покое;
Скорее скатерть и бокал!
Сюда, вино золотое!
Шипи, шампанское, в стекле.
Друзья! почто же с Кантом
Сенека, Тацит на столе,
Фольянт над фолиантом?
Под стол холодных мудрецов!
Мы полем овладеем;
Под стол ученых дураков!
Без них мы пить умеем.

Ужели трезвого найдем
За скатертью студента?
На всякий случай изберем
Скорее президента.
В награду пьяным — он нальет
И пунш, и грог душистый,
А вам, спартанцы, поднесет
Воды в стакане чистой!
Апостол неги и прохлад,
Мой добрый Галич, vale!
Ты Эпикуров младший брат,
Душа твоя в бокале.

[Пушкин, 1994–1997, т. 1, с. 46]

Говоря об упоминаниях Пушкиным имени Канта, стоит отметить мнение специалиста, что «присутствие Канта в русской прозе и поэзии первых десятилетий XIX века было делом относительно привычным» [Круглов, 2012, с. 18]. Пушкин и после Лицея не забывал имя философа. И это не случайно, ведь его постоянным интеллектуальным собеседником был Карамзин, которому посвящен «Борис Годунов». А историк, как пишет исследователь, Канта «прекрасно знал, одно время даже собирался перекладывать в стихи метафизику Канта» [Белый, 2004, с. 60].

А. С. Пушкин. Автопортрет. 1817

Пушкин видел в немецком философе развитие русской духовности. В «Евгении Онегине» есть строки об Иммануиле Канте, которые помнят хоть немного начитанные русские интеллигенты:

В свою деревню в ту же пору
Помещик новый прискакал
И столь же строгому разбору
В соседстве повод подавал:
По имени Владимир Ленской,
С душою прямо геттингенской,
Красавец, в полном цвете лет,
Поклонник Канта и поэт.
Он из Германии туманной
Привез учености плоды:
Вольнолюбивые мечты,
Дух пылкий и довольно странный,
Всегда восторженную речь
И кудри черные до плеч.

[Пушкин, 1994–1997, т. 6, с. 33–34]

Потом большой временной провал, только известно, что Станкевич в 1835 году ищет любого семинариста, чтобы тот растолковал ему Канта. Но любомудры так и не разобрались в немецком философе.

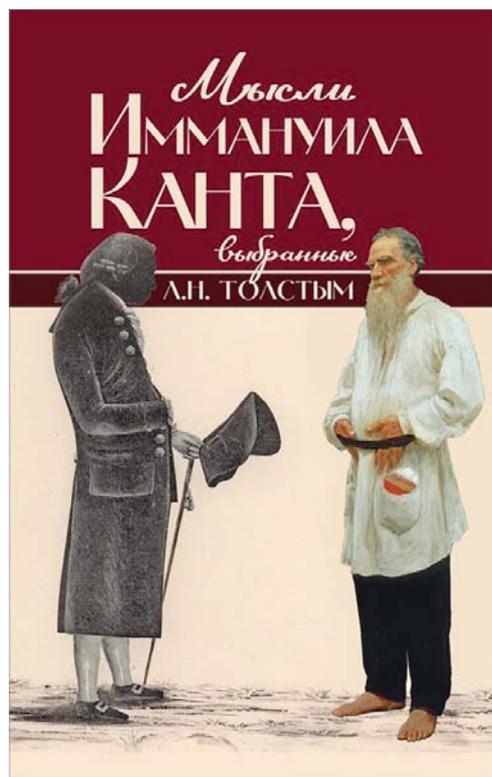
22 февраля 1854 года Достоевский пишет брату по выходе с каторги:

Я постараюсь тебе найти другой адрес из Семипалатинска, куда я отправлюсь через неделю. Я еще немного нездоров и потому на некоторое время задержан. Пришли мне Коран, «Critique de raison pure» Канта и если как-нибудь в состоянии мне переслать не официально, то пришли непременно Гегеля, в особенности Гегелеву «Историю философии». С этим вся моя будущность соединена!

[Достоевский, 1985, с. 173]

Это чтение не прошло даром. Блестательный анализ Голосовкера показал, что «Братья Карамазовы» на свой лад есть ответ на кантовскую «Критику...». Таким образом Кант инициировал одно из важнейших произведений русской литературы, русской мысли.

Интересен и Лев Толстой при всей его очевидной герmanoфобии, особенно явной в «Войне и мире». Напомню, что роман начинается с издевательского изображения салона немки Анны Шерер, а потом почти на каждой странице сыплются удары по немцам. Приведу несколько эпизодов. Вот внутренняя речь князя Андрея, незаметно переходящая в авторскую:

Князь Андрей по одному короткому этому свиданию с Пфулем, благодаря своим аустерлицким воспоминаниям, составил себе ясную характеристику этого человека. Пфуль был один из тех безнадежно, неизменно, до мученичества самоуверенных людей, которыми только бывают немцы, и потому именно, что только немцы бывают самоуверенными на основании отвлеченной идеи — науки, то есть мнимого знания совершенной истины. (...) Немец самоуверен хуже всех, и тверже всех, и противнее всех, потому что он воображает, что знает истину, науку, которую он сам выдумал, но которая для него есть абсолютная истина.

[Толстой, 1960–1964, т. 6, с. 57]

Толстой при этом, по-видимому, нарочно пишет фамилию немецкого генерала Фуля — Пфуль, то есть придавая ее звучанию уничижительный оттенок. Теперь другой немец — Альфонс Карлович Берг: «...свежий, розовый, гвардейский офицер, безупречно вымытый, застегнутый и причесанный, держал янтарь у середины рта и розовыми губами слегка вытягивал дымок, выпуская его колечками из красивого рта» [Толстой, 1960–1964, т. 4, с. 80–81].

Удивительна германофобия образованных Ростовых: граф Ростов при начале войны говорит, что всем пожертвует и что дело не в патриотизме, а в слове государевом, призывающем на защиту родины: «Только скажи он слово, мы все пойдем... Мы не немцы какие-нибудь...» [Толстой, 1960–1964, т. 6, с. 99]. Ему вторит Наташа, освобождая подводы от вещей, чтобы вывезти на этих подводах раненых, и восклицая, что не помочь раненым — «это такая гадость, такая мерзость, такая... я не знаю! Разве мы немцы какие-нибудь?..» [Толстой, 1960–1964, т. 6, с. 354].

Но любопытно, что все слова, относящиеся к военной службе, которые употребляют сам Толстой и ругающие немцев его герои, суть слова немецкие и французские (то есть для антиевропейского сознания тоже немецкие): диспозиция, колонна, фланги, армия, штаб, атака, диверсия, план, рапорт, генерал, офицер, корпус, ординарец, адъютант, кавалергард, артиллерия, лагерь, унтер-офицер, командир, дивизия и т. п. Толстой это словно забыл. Не забудем и того, что как раз выпущен датчанином Далем его великий словарь, а до того немцы Шлёцер и Востоков занимались русской древностью, Гильфердинг исследовал и издал русские былины и песни и проч. Но Толстой словно и не помнит этого. Немцы не привносят в Россию, а выносят из нее. И если кто и грабит Россию, ее святыни, то это немцы. Не любя Баркляя, он называл его немцем и сравнивал его деятельность с деятельностью лакея. Гегеля называл чертом, который ведет паровоз истории.

Как же при этом он принимал Канта, Гердера, Шопенгауэра, которого сравнивал с Соломоном? Создал книгу избранных великих мыслей Канта. Но кажется, Канта он воспринимал вне национальности (хотя цитировал его «Критику практического разума» по-немецки), как представителя звездного неба: «Zwei Dinge erfüllen mir das Gemüth mit immer neuer und zunehmender Bewunderung und Ehrfurcht, je öfter und anhaltender sich das Nachdenken damit beschäftigt: der bestirnte Himmel über mir, und das moralische Gesetz in mir», переводя сам на русский: «Две вещи наполняют душу постоянно новым и возрастающим удивлением и благоговением и тем больше, чем чаще и внимательнее занимается ими размышление: звездное небо надо мной и нравственный закон во мне». Это один из эпиграфов к его философическому трактату «О жизни» (1886–1887).

Но стоит отметить, что вряд ли граф чувствовал трагедию преодолённого пессимизма Канта, который звездным небом закрывался от ужаса, не давал ему ходу. Ибо мало того, что он принимал евангельское «мир во зле лежит», но он также писал «об изначально злом в человеческой природе».

Любопытно, что вариация на тему вечного неба прозвучала уже в «Войне и мире». Отрывок из первого тома «Войны и мира» 1868 года. Князь Андрей видит небо Аустерлица:

Над ним не было ничего уже, кроме неба, — высокого неба, не ясного, но все-таки неизмеримо высокого, с тихо ползущими по нем серыми облаками. «Как тихо, спокойно и торжественно, совсем не так, как я бежал, — подумал князь Андрей, — не так, как мы бежали, кричали и дрались, совсем не так, как с озлобленными и испуганными лицами тащили друг у друга банник француз и артиллерист, — совсем не так ползут облака по этому высокому бесконечному небу. Как же я не видал прежде этого высокого неба? И как я счастлив, что узнал его наконец. Да! Все пустое, все обман, кроме этого бесконечного неба. Ничего, ничего нет, кроме его. Но и того даже нет, ничего нет, кроме тишины, успокоения. И слава Богу!..»

[Толстой, 1960–1964, т. 4, с. 380]

Винсент Ван Гог. Звездная ночь. Сен-Реми. 1889

А в начале XX века вдруг обнаружилось явное неприятие Канта в русской, особенно *православно* и в духе *российского марксизма* ориентированной философии. В «Философии свободы» (1911) ставший православным мыслителем бывший марксист Бердяев грубо недвусмыслен: «Гениальный образец чисто полицейской философии дал Кант» [Бердяев, 1989, с. 19]. Возможно, неожиданно повод к этому раздражению дал журнал «Логос», издаваемый русскими неокантианцами Ф. А. Степуном, С. И. Гессеном, Б. В. Яковенко. По окончании университета Степун вместе с друзьями затеял издавать международный журнал по философии культуры. И надо сказать, замысел решительных юнцов (при помощи Риккерта) удался. В 1910 году выходит первый номер журнала «Логос», где во вступительной статье к номеру, да и ко всему изданию Степун (его соавтором был Сергей Гессен, соученик по Гейдельбергу и соиздатель журнала) обозначил свою принципиальную позицию, расходившуюся с современной ему российской мыслью:

Мы должны признать, что как бы значительны и интересны ни были отдельные русские явления в области научной философии, философия, бывшая раньше греческой, в настоящее время преимущественно немецкая. Это доказывает не столько сама современная немецкая философия, сколько тот несомненный факт, что все современные оригинальные и значительные явления философской мысли других народов носят на себе явный отпечаток влияния немецкого идеализма; и обратно, все попытки философского творчества, игнорирующие это наследство, вряд ли могут быть признаны безусловно значительными и действительно плодотворными. А потому, лишь усвоив это наследство, сможем и мы уверенно пойти дальше.

[Степун, 2000b, с. 798]

В. Ф. Эрн (как и Бердяев, автор православно-славянофильского издательства «Путь»), отвечая на редакционно-программную статью «Логоса», просто называл Канта высшим выразителем «меонизма» (то есть тяги к небытию) западной мысли и культуры: «Ratio в своем последовательном завоевании европейской мысли приводит таким образом к пышному, яркому расцвету универсального *меонизма*. Этот расцветший в Беркли и Юме меонизм принципиально и окончательно закрепляется в трансцендентализме Канта» [Эрн, 1991, с. 77–78]. А «сердечный друг» Эрна П. А. Флоренский вполне богословски-академически, тем не менее резко, противопоставил Канта Богопознанию: «Вспомним тот “*Столп Злобы Богопротивная*”, на котором почивает антирелигиозная мысль нашего времени. (...) Конечно, вы догадываетесь, что

имеется в виду Кант» [Флоренский, 1996, с. 135]. В конце концов, не этатист Гегель, а отстаивавший самоцельность человеческой личности Кант был объявлен православной философией идеологом немецкого милитаризма (в статье В. Ф. Эрн «От Канта к Крупшу»). На самом деле отказ от идей рационализма вел к оправданию язычества как, по словам Бердяева, *весьма важной составляющей* православной церкви, что «приняла в себя всю великую правду язычества — землю и реалистическое чувство земли» [Бердяев, 1989, с. 34]. Не случайно В. И. Ленин, откровенный враг христианства и идеолог «неоязычества» (С. Н. Булгаков), в эти годы столь же категорически требовал («Материализм и эмпириокритицизм», 1909) «отмежеваться самым решительным и бесповоротным образом от фидеизма и от агностицизма, от философского идеализма и от софистики последователей Юма и Канта» [Ленин, 1968, с. 138].

Борьба за философию стала для Степуна борьбой за русскую культуру, в конечном счете — за Россию, ибо он опасался, что русская философия окажется не защитой от хаоса, а тем самым «слабым звеном», ухватившись за которое, можно ввергнуть всю страну в «преисподнюю небытия» [Степун, 2000а, с. 248]. Слова Ленина о России как «слабом звене» в европейской (в его терминологии — капиталистической) системе — не случайны. К этой теме мы еще вернемся, пока же стоит показать, какое лекарство предлагал Степун. Выученик неокантианцев, пытавшихся преодолеть почвенничество и этатизм немецкой философии, Степун, разумеется, заявил о необходимости для русской мысли школы Канта:

Если, с одной стороны, есть доля правды в том, что кантианством жить нельзя, то, с другой стороны, такая же правда и в том, что и без Канта жизнь невозможна (конечно, только в том случае, если мы согласимся с тем, что *жить* означает для философа не просто жить, но *жить мыслию*, то есть *мыслить*). Если верно то, что в кантианстве нет откровения, то ведь верно и то, что у Канта гениальная логическая совесть. А можно ли верить в откровение, которое в принципе отрицает совесть? Что же представляет собою совесть, как не *минимум откровения*? Рано или поздно, но жажда откровения, принципиально враждующая с совестью, должна неизбежно привести к откровенной логической бессовестности, т.е. к уничтожению всякой философии.

[Степун, 2000с, с. 834]

Гениальная Марина Цветаева, вечный протестант, пошла и здесь поперек всех, сказав, что Германия не только война, но еще и великие мыслители и поэты:

Германии

Ты миру отдана на травлю,
И счета нет твоим врагам,
Ну, как же я тебя оставлю?
Ну, как же я тебя предам?

...

Ну, как же я тебя отвергну,
Мой столь гонимый Vaterland
Где все еще по Кенигсбергу
Проходит узколиций Кант,
Где Фауста нового лелея
В другом забытом городке —
Geheimrath Goethe по аллее
Проходит с тросточкой в руке.

Марина Цветаева. 1914

Потом, как известно, в 1917 году случилась революция, победила ленинская партия большевиков, так что, казалось бы, о Канте, идеологическом противнике вождя, надо было забыть. И забыли. Но в конце 1930-х годов был написан великий роман «Мастер и Маргарита», опубликованный много позже, после страшной войны, в 1966 году. Но все же опубликованный. И поразительно, что начинался он с разговора на Патриарших, где Воланд (дьявол) рассказывал о своей беседе с Кантом.

Г. Вольф. Кант на прогулке. Гравюра. 1924

Кант продолжал звучать в высших достижениях русской культуры. Но вот ходил ли по Кенигсбергу «узколиций Кант», по прогулкам которого горожане проверяли время?

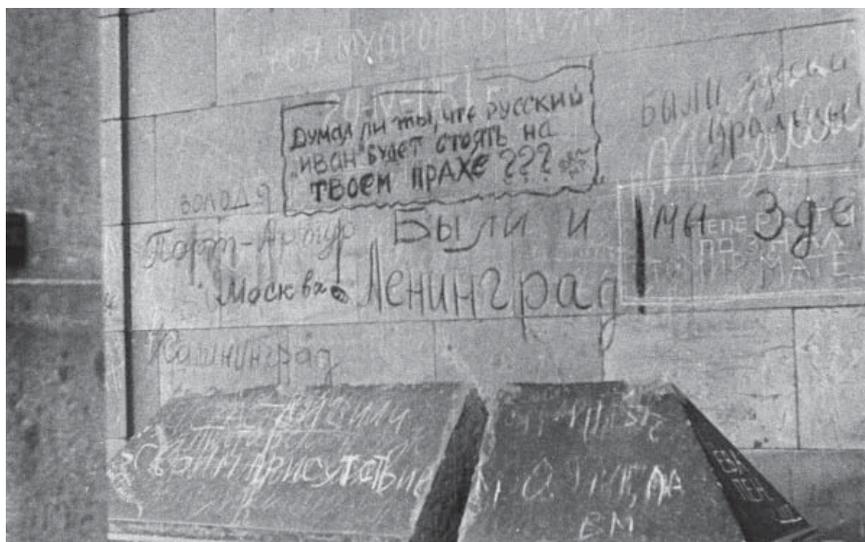
Как мы знаем, случилась война, в которой соплеменники Канта и Шиллера проявили чудовищную жестокость. И Кенигсберг с его незамерзающим портом отошел к Советскому Союзу, получив имя Калининград. После перехода города в Россию могила Канта осталась, но надписи победителей были сердитыми. Сейчас все чисто и аккуратно.

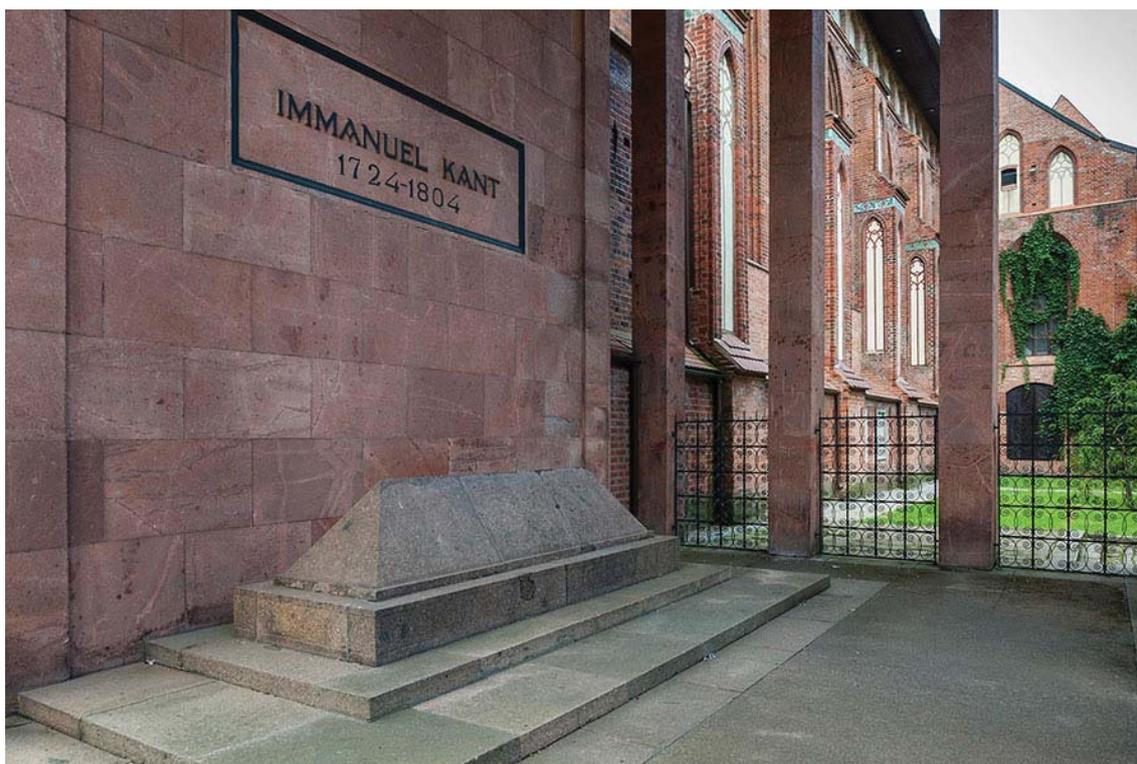
Так получилось, что в течение нескольких лет я курировал Калинин-

Кафедральный собор, в котором находится могила Канта

градский университет, Альбертину, от московской научной структуры под названием МИОН. Соответственно, примерно раз в месяц или в два я летал в Калининград, участвовал практически во всех учебных мероприятиях, выступал на конференциях. Там я познакомился со многими замечательными калининградскими учеными, но тема статьи требует основного имени — Л. А. Калининкова, автора многих замечательных работ (статей и книг) по Канту в русской культуре. Сошлюсь хотя бы на одну: «Иммануил Кант в русской поэзии. М.: Канон+, 2008, 416 с.».

Могила Канта

В 2004 году мне было предложено написать почти программную статью о Калининграде. Я написал: «Калининград, Россия, Европа: проблема понимания». Она была опубликована в сборнике «На перекрестке культур: русские

Кенигсбергский университет известен также под названием «Альбертина». Изначально университет назывался «Академия», но в середине XVII века его переименовали в честь основателя — герцога Пруссии Альбрехта

в Балтийском регионе. Часть 1. Калининград: Издательство КГУ, 2004». В мировой культурфилософии существует такое понятие: «бог места». Вот этот бог оказался чрезвычайно благорасположенным к этому углу Балтики. Еще Гердер заметил, что для народов Северной Европы Балтийское море по культуросозидающему значению сыграло роль Средиземного. Благодаря янтарю прусское побережье стало известно грекам и римлянам, и какая бы народность ни жила на этих берегах, писал философ, она занималась художественным ремеслом и торговлей.

Во время моих поездок в Германию в 2015 году я вдруг получил письмо от редактора знаменитого еженедельника «Die Zeit» с предложением поучаствовать в кантовском номере. «Wir planen — die deutsche Wochenzeitung DIE ZEIT — eine Umfrage unter international renommierten Philosophen. Die Bundesregierung hat eine sogenannte “Kant-Dekade” ausgerufen, die für uns Anlass ist, zwei Fragen zu stellen». Тема была предложена по статье Канта о просвещении: «Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung?» С уточнением: «Nun brauchen wir Kant erst recht? (Мы нуждаемся в Канте снова?)». Но не более трех тысяч знаков. «Leider ist der Platz sehr begrenzt; mehr als zwei- bis dreitausend Anschläge (Zeichen) dürften es nicht sein».

Я согласился. Не могу сказать, что это была простая работа. Я по-немецки читал, немного говорил, даже доклады делал, опираясь на переведенные коллегами мои статьи. Поначалу я написал эту небольшую статью по-русски. Но газета просила немецкий текст, эта работа Канта мне очень нравилась. Было трудно. Все же я написал немецкий вариант статьи. И практически не исправив ни слова, «Die Zeit» этот текст опубликовала. Кажется, имеет смысл в юбилейные Кантовские дни напечатать его и в нашем журнале, не изменив в нем ни слова.

3. DEZEMBER 2015 **DIE ZEIT** No 49. S. 53

Vladimir Kantor:
Er ist lebenswichtig

Ich denke, dass die Epoche der Aufklärung längst zu einer Tatsache unseres Bewusstseins geworden ist. Sie ist für uns eine große Epoche, wie andere auch, etwa wie die Antike und die Renaissance. All diese Epochen gehören zur spirituellen Erfahrung der Menschheit. In *Was ist Aufklärung?* formuliert Immanuel Kant Ideen, die die Zeit ihrer Entstehung überdauern haben. Im Mittelpunkt steht dabei die Vorstellung, die künftige Menschheit werde sich nach dem Vorbild der europäischen

Zivilisation entwickeln. Doch von Anfang an muss Kant klar gewesen sein, welche Schwierigkeiten er sich mit dieser Position einhandelt. Er wusste, dass nur wenige Menschen in der Lage sein würden, wie ein Erwachsener zu handeln. Der Adressat seines Textes war das öffentliche Publikum, wobei es Kant durchaus bewusst war, dass sogar im gebildeten Teil der Gesellschaft viele Leute »gerne zeitlebens unmündig bleiben« würden. Mit anderen Worten: In der Realität neigte sich die Waage eher auf die Seite der Unmündigkeit. Deshalb konnte Kant nur hoffen, die Gesellschaft möge sich insgesamt so entwickeln, dass sie erwachsen wird. Nicht nur eine Minderheit, sondern alle Menschen sollten irgendwann fähig sein, in Freiheit ihren eigenen Verstand zu gebrauchen. Doch das 20. Jahrhundert brachte den Aufstand der Massen, und eine Masse wird immer durch die Meinungen anderer Menschen beeinflusst. Je größer die Masse, desto weniger Menschen bedienen sich ihres eigenen Verstandes. Wie Elias Canetti in seiner Abhandlung *Masse und Macht* gezeigt hat, sucht die Masse den Führer. Oder wie große russische Dichter Fjodor Dostojewski schrieb: Der Mensch sucht den Führer aus Angst vor der Freiheit, denn Freiheit bedeutet für ihn Verantwortung. Dostojewski wollte nicht das Ideal der Mündigkeit kritisieren; er zweifelte daran, dass die Menschen in ihrer großen Mehrheit in der Lage sind, Verantwortung für sich selbst zu übernehmen. Der Großinquisitor in Dostojewskis Roman *Die Brüder Karamasow* hat Christus vorgeworfen, seine große Idee könne nur von wenigen gelebt werden. Keine zehntausend könnten ihm nachfolgen und

ihr Leben für ihn opfern. Christus habe schließlich gesagt: »Denn viele sind berufen, aber wenige sind auserwählt.« Das ist die berühmte biblische Formel — und sie zeigt in der Tat, dass höhere Ideen für die Mehrheit unzugänglich sind. Die totalitären Regime des 20. Jahrhunderts, der Bolschewismus und der Faschismus, wollten die Menschen zurückstoßen in den schrecklichen Zustand permanenter Kindheit. Gerade im Nationalsozialismus, so der Soziologe Karl Mannheim, verhielten sie sich wie Kinder, die einen geliebten Menschen verloren haben oder sich auf der Straße unsicher fühlen: Sie waren bereit, sich von dem Erstenbesten führen zu lassen. Mit einem Wort: Kants Ideen bleiben lebenswichtig für uns. Allerdings glaube ich, dass Europa im 21. Jahrhundert Kants Ideen erst noch verwirklichen muss, sofern es überhaupt Europa bleiben will.

Vladimir Kantor ist Professor
für Philosophie an der Moskauer
Hochschule für Ökonomie

Русский вариант статьи:

Он и сегодня важен и нужен

Я думаю, что эпоха Просвещения уже давно стала фактом нашего сознания. Для нас это великая эпоха, как и другие, например Античность и эпоха Возрождения. Все эти эпохи являются частью духовного опыта человечества. В работе «Что такое Просвещение?» Иммануил Кант формулирует идеи, пережившие свое время. В центре внимания идея о том, что будущее человечество будет развиваться по образцу европейской цивилизации. Но Канту с самого начала должно было быть ясно, с какими трудностями он столкнется на этой позиции. Он знал, что немногие люди смогут вести себя как взрослые. Адресатом его текста была интеллигентная публика, хотя Кант прекрасно понимал, что даже в образованной части общества многие люди «хотели бы оставаться незрелыми на протяжении всей своей жизни». Другими словами, чаша весов склонялась больше в сторону незрелости. Поэтому Кант мог только надеяться, что общество в целом будет развиваться таким образом, что оно вырастет. Не только меньшинство, но и все люди в какой-то момент должны иметь возможность свободно использовать свой разум. Но XX век принес восстание масс, а масса всегда находится под влиянием мнения других людей. Чем больше масса, тем меньше людей используют собственный разум. Как показал Элиас Канетти в своем трактате «Масса и власть», массы ищут лидера. Или как писал

великий русский писатель Федор Достоевский: человек ищет вождя из страха перед свободой, потому что для него свобода означает ответственность. Достоевский не хотел критиковать идеал зрелости; он сомневался, что подавляющее большинство людей способно взять на себя ответственность. Великий инквизитор в романе Достоевского «Братья Карамазовы» обвинил Христа в том, что он сказал, что его великую идею могут воплотить в жизнь лишь немногие. И лишь десять тысяч смогли последовать за ним и пожертвовать ради него своей жизнью. Ведь Христос сказал: «Ибо много званых, но мало избранных». Эта знаменитая формула показывает, что высшие идеи недоступны большинству. Тоталитарные режимы XX века, большевизм и фашизм, хотели вернуть людей обратно в ужасное состояние постоянного детства. Особенно при национал-социализме, по мнению социолога Карла Мангейма, люди вели себя как потерявшиеся дети и были готовы пойти на поводу у первого взрослого человека, которого увидели.

Одним словом: идеи Канта остаются для нас жизненно важными. Более того, я считаю, что Европе в XXI веке все же придется реализовать идеи Канта, если она вообще хочет оставаться Европой.

Владимир Кантор — профессор,
доктор философских наук,
Научно-исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва.

Ну а завершить текст я хотел бы фотографией памятника Канту. И почти детективной историей этого памятника. Бронзовая скульптура была создана в 1857 году Христианом Раухом.

Вот история знаменитого памятника Иммануилу Канту, в которой удивительно переплелись судьбы разных людей, принадлежавших разным эпохам и народам. А началось все в 1797 году, когда молодой Христиан Раух поступил на

службу к прусскому королю Фридриху Вильгельму II, став его камердинером. Он остался в этой же должности, когда в ноябре 1797 года король скончался и новым прусским правителем стал его сын Фридрих Вильгельм III. Коронация по традиции прошла в Кенигсберге в Замковой кирхе. Вместе с супругой Луизой новый король прибыл в Кенигсберг в июне 1798 года. Среди сопровождавших их лиц был и камердинер Раух, который поселился в доме, стоявшем через дорогу от дома Иммануила Канта, и ежедневно видел великого философа.

Когда решили установить памятник на родине Иммануила Канта, то его создание заказали, конечно, Христиану Рауху. Скульптор воспользовался тем изображением Канта, которое он поместил на монумент Фридриха II. Возможно, этот образ сложился у него под впечатлением от личных наблюдений, хотя в 1798 году великий философ был уже немолод, а памятник изображает его в расцвете сил. С другой стороны, в воспоминаниях современников сообщается, что в старости Канта отличал здоровый цвет лица и ясные живые глаза. Наконец, 18 октября 1864 года состоялось торжественное открытие памятника.

18 октября 1944 года (ровно через 80 лет после установки памятника Канту в Кенигсберге) советские войска вошли в Восточную Пруссию. Начались бои. В Кенигсберге приступили к строительству бункера для коменданта города-крепости. Вход в бункер находится как раз там, где стоял памятник великому философу. Памятник сдвинули с места, и тогда молодая графиня Марион фон Дёнхоф предложила спрятать статую Канта у нее в поместье. Эта идея понравилась коменданту генералу Отто Ляшу. Памятник уложили в специально сделанный прочный деревянный ящик и отвезли в поместье известной в Восточной Пруссии семьи фон Дёнхоф. Графиня, по-видимому, помнила книги своего детства и стала действовать по пиратскому сценарию. Выбрала высокую сосну, отсчитала 20 шагов на запад, 10 шагов на север и велела копать яму, куда и опустили ящик. Для верности сверху посадили еще куст шиповника. А затем

Марион фон Дёнхоф собралась, села на коня и ускакала в рейх, пока кольцо советских войск окончательно не замкнулось.

По окончании войны, когда снова вспомнили о Канте, Марион фон Дёнхоф с представителями управления культуры отправилась в Озерки, где прежде находилось поместье. Отправились туда и саперы с металлоискателями. Но когда прибыли на место, графиня совершенно не узнала ландшафт: ни высокой сосны, ни куста шиповника, неоткуда отсчитывать шаги. А металлоискатели оказались бесполезными, ибо вся земля была наполнена металлом — осколками снарядов, кусками железа...

Но графиня фон Дёнхоф не бездействовала. Она создала фонд «Die Zeit», в котором аккумулировались средства на воссоздание памятника. Причем в Германии не было необходимости обращаться к старым фотографиям. Сохранился и монумент Фридриху II работы Рауха, и мастерская скульптора, которого почитают как основоположника берлинской школы ваятелей. А в мастерской имеются работы Христиана Рауха, конечно, не отлитые в бронзе, но вполне хорошо сохранившиеся. Используя это наследие Рауха, скульптор Харальд Хааке отлил новую статую Иммануила Канта.

Список источников

- Белый А. Кантовская цитата в пушкинском тексте // Вопросы литературы. 2004. № 3. С. 59–80.
- Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 607 с.
- Гулыга А. В. Кант. М.: Молодая гвардия, 1977. 304 с.
- Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 28, кн. 1: Письма 1832–1859. 552 с.
- Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. 726 с.
- Круглов А. Н. Кант и кантовская философия в русской художественной литературе. М.: КАНОН+, 2012. 480 с.
- Круглов А. Н. Русские свидетельства об Иммануиле Канте // Историко-философский ежегодник — 2006. М.: Наука, 2006. С. 204–227.
- Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. М.: Политиздат, 1968. Т. 18: Материализм и эмпириокритицизм. 526 с.
- Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. М.: Воскресенье, 1994–1997. 19 т.
- Соловьев В. С. Статьи из Энциклопедического словаря // Соловьев В. С. Собрание сочинений: в 10 т. 2-е изд. СПб.: Просвещение, 1914. Т. 10. С. 227–523.
- Степун Ф. А. Мысли о России. Очерк IV // Степун Ф. А. Сочинения / вступительная статья, подготовка текста, примечания и библиография В. К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2000а. С. 234–257.

Степун Ф. А. От редакции (вступительная статья в «Логосе») // Степун Ф. А. Сочинения / вступительная статья, подготовка текста, примечания и библиография В. К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2000b. С. 791–800.

Степун Ф. А. Прошлое и будущее славянофильства // Степун Ф. А. Сочинения / вступительная статья, подготовка текста, примечания и библиография В. К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2000с. С. 825–836.

Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 20 т. М.: Худож. лит., 1960–1964. 20 т.

Флоренский П. А. Разум и диалектика // Флоренский П. А. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 131–142.

Эрн В. Ф. Нечто о Логосе, русской философии и научности // Эрн В. Ф. Сочинения. М.: Правда, 1991. С. 71–108.

References

Belyi, A. (2004) “Kantovskaya tsitata v pushkinskom tekste” [“Kant’s quotation in the Pushkin text”], *Voprosy Literaturny* [Questions of Literature], 3, pp. 59–80.

Berdyayev, N. A. (1989) *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva* [Philosophy of freedom. The meaning of creativity]. Moscow: Pravda.

Gulyga, A. V. (1977) *Kant*. Moscow: Molodaya gvardiya.

Dostoevskii, F. M. (1985) *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh. Tom 28, kn. 1: Pis'ma 1832–1859* [Complete works: in 30 vols. Vol. 28, book 1: Letters 1832–1859]. Leningrad: Nauka.

Karamzin, N. M. (1984) *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian traveler]. Leningrad: Nauka.

Kruglov, A. N. (2012) *Kant i kantovskaya filosofiya v russkoi khudozhestvennoi literature* [Kant and Kantian philosophy in Russian fiction]. Moscow: KANON+.

Kruglov, A. N. (2006) “Russkie svidetel'stva ob Immanuile Kante” [“Russian testimonies about Immanuel Kant”], in *Istoriko-filosofskii ezhegodnik — 2006* [Historical and philosophical yearbook — 2006]. Moscow: Nauka, pp. 204–227.

Lenin, V. I. (1968) *Polnoe sobranie sochinenii: v 55 tomakh. Tom 18: Materializm i empiriokrititsizm* [Complete works: in 55 vols. Vol. 18: Materialism and empiriocriticism]. 5th edn. Moscow: Politizdat.

Pushkin, A. S. (1994–1997) *Polnoe sobranie sochinenii: v 19 tomakh* [Complete works: in 19 vols] (19 vols). Moscow: Voskresen'e.

Solov'ev, V. S. (1914) “Stat'i iz Entsiklopedicheskogo slovarya” [“Articles from the Encyclopedic Dictionary”], in Solov'ev, V. S. *Sobranie sochinenii: v 10 tomakh. Tom 10* [Collected works: in 10 vols. Vol. 10]. 2nd edn. St. Petersburg: Prosveshchenie, pp. 227–523.

Stepun, F. A. (2000a) “Mysli o Rossii. Ocherk IV” [“Thoughts about Russia. Essay IV”], in Stepun, F. A. *Sochineniya [Works]*. Preface, notes and bibliography by V. K. Kantor. Moscow: ROSSPEN, pp. 234–257.

Stepun, F. A. (2000b) “Ot redaktsii (vstupitel’naya stat’ya v «Logose»)” [“From the editorial board (introductory article in ‘Logos’)”], in Stepun, F. A. *Sochineniya [Works]*. Preface, notes and bibliography by V. K. Kantor. Moscow: ROSSPEN, pp. 791–800.

Stepun, F. A. (2000c) “Proshloe i budushchee slavyanofil’stva” [“The past and future of Slavophilism”], in Stepun, F. A. *Sochineniya [Works]*. Preface, notes and bibliography by V. K. Kantor. Moscow: ROSSPEN, pp. 825–836.

Tolstoy, L. N. (1960–1964) *Sobranie sochinenii: v 20 tomakh [Collected works: in 20 vols]* (20 vols). Moscow: Khudozh. lit.

Florenskii, P. A. (1996) “Razum i dialektika” [“Reason and dialectics”], in Florenskii, P. A. *Sochineniya: v 4 tomakh. Tom 2 [Works: in 4 vols. Vol. 2]*. Moscow: Mysl’, pp. 131–142.

Ern, V. F. (1991) “Nechto o Logose, russkoi filosofii i nauchnosti” [“Something about Logos, Russian philosophy and science”], in Ern, V. F. *Sochineniya [Works]*. Moscow: Pravda, pp. 71–108.

Информация об авторе: Владимир Карлович Кантор — доктор философских наук, ординарный профессор, главный научный сотрудник, заведующий Международной лабораторией русско-европейского интеллектуального диалога, главный редактор журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог». Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, каб. 215.

Information about the author: Vladimir K. Kantor — DSc in Philosophy, Full Professor, Chief Research Fellow, the Head of International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, Editor-in-Chief of the journal “Philosophical Letters. Russian and European Dialogue”. National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 215, 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.05.2024;
одобрена после рецензирования 01.06.2024;
принята к публикации 10.06.2024.

The article was submitted 07.05.2024;
approved after reviewing 01.06.2024;
accepted for publication 10.06.2024.